

Преподобноисповедник Максим (Попов) 17.06.1876–1934

**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской
Православной
Церкви», клирик
храма Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой
горе (Москва),
www.fond.ru**

... **В** ОГПУ отцу Максиму сказали, что освободят его, если он согласится во время богослужения в храме публично отречься от Бога. Отец Максим ответил, что готов на любые мучения, но от Бога не отречется. Сотрудники ОГПУ все же надеялись, что им удастся уговорить на публичное выступление смиренного священника, и, не дожидаясь его согласия, через работника сельсовета объявили, что в ближайшее воскресенье привезут отца Максима и состоится служба. Народу в этот день собралось со всей округи великое множество, все долго ждали, но священника так и не привезли.

***

Преподобноисповедник Максим родился в 1876 году в селе Большой Сурмет Самарской губернии в семье зажиточного мордовского крестьянина Григория Степановича Попова и в крещении наречен был Мефодием. Григорий Степанович был попечителем строящегося в селе храма во имя святых бессребреников Космы и Дамиана. В семье неукоснительно соблюдался церковный устав, и своих детей — троих сыновей и двух дочерей — он воспитал в вере и благочестии. Все дети окончили церковно-приходскую школу. Впоследствии два его сына, Николай и Мефодий, стали священниками, а дочери, Матрона и Евдокия, приняли монашеский постриг во Владимирском Каменском монастыре Уфимской епархии.

В 1900 году Мефодий женился на крестьянке Елене Тимофеевне Поляковой, и у них родилось шестеро детей. В 1915 году Григорий Степанович разделил между сыновьями семейный надел — земли

и хозяйство. Всем сыновьям было отстроено по большому деревянному дому, выделен скот и хозяйственный инвентарь. Дочерям — Матроне (инокине Марии) и Евдокии (монахине Августе) и племяннице Евдокии (инокине Елизавете) Григорий Степанович выстроил дом во Владимирском Каменском монастыре.

В 1921 году в Поволжье разразился голод, а вслед за ним началась эпидемия тифа. Весной 1922 года от тифа скончался Григорий Степанович, на Пасху умерла супруга Мефодия Григорьевича, Елена Тимофеевна, в это время был при смерти и он сам. Когда хоронили супругу, Мефодий Григорьевич был без сознания, и родственники уже не надеялись, что он выживет. Но он выздоровел и стал еще усердней молиться, терпеливо ожидая, какой жребий уготован ему будет Господом. Дочь и двоих несовершеннолетних сыновей взяла на свое попечение семья старшего сына, а младшую дочь, Клавдию, которой было тогда шесть лет, Мефодий Григорьевич отвез в монастырь к своим сестрам.

Летом 1926 года епископ Давлекановский Иоанн (Поярков), временно управляющий Уфимской епархией, постриг Мефодия Григорьевича в монашество с именем Максим и рукоположил во иеромонаха ко храму Сергиевского женского монастыря, находившегося в десяти километрах от города Белебея. Зимой 1927–1928 года власти распорядились закрыть монастырь, заявив, что сюда будут свезены беспризорники и будет организована колония. Разрешено было остаться только священнику и десяти монахиням для совершения церковных служб для жителей округи. Им разрешили поселиться в двух сторожках при храме. Скучное продовольствие и дрова привозили крестьяне, пищу насельницы готовили на костре, но вполне были довольны судьбой, а главным образом, возможностью совершать богослужение в храме.

**«Он выздоровел и стал еще усердней
молиться, терпеливо ожидая, какой жребий
уготован ему будет Господом».**

*На фото Мефодий Григорьевич с родственницами,
насельницами Владимирского Каменского монастыря*

Отец Максим вместе с прихожанами поехали в Белебей на праздник... К ним подошел корреспондент газеты «Пролетарская мысль» и стал слушать, о чем они говорят. Разговор их показался ему подозрительным...

На фото город Белебей в советские годы

Весной 1928 года в монастырь привезли колонистов; ночью они разбили стекло в алтарном окне, стянули покрывало с жертвенника, опрокинули священные сосуды и вытащили антиминс, который затем бесследно исчез. Это было большое горе для всех, так как без антиминса нельзя было совершать литургию. Отец Максим, нимало не медля, на рассвете того же дня отправился пешком в Белебей, где настоятель городского собора дал ему антиминс из бывшего тюремного храма. И служба возобновилась.

В декабре 1929 года директор колонии объявил, что церковной службы больше не будет и все монашествующие должны покинуть территорию колонии. Одна из монахинь ударила в набат, и из ближайших деревень прибежали крестьяне. В их присутствии директор колонии заявил, что позволит только священнику ради его детей взять некоторые вещи и кое-что из продуктов, монахиням же ничего не разрешит взять с собой. В ту же ночь все они были вынуждены покинуть обитель.

В феврале 1930 года иеромонаха Максима назначили служить в Ильинский храм в селе Рябаш Башкирской АССР. Храм содержался в прекрасном состоянии, и на клиросе пел большой хор. Поселился отец Максим с младшей доче-

рью Клавдией у прихожан, поочередно представлявших в своих домах приют пастырю.

11 июня 1931 года отец Максим вместе с прихожанами поехали в Белебей, куда они были приглашены в храм на праздник. По приезде в город дочь священника Клавдия отправилась купить съестного, а приехавшие с ними крестьяне разбрелись по рынку. Отец Максим с монахиней остались одни. В это время к ним подошел корреспондент газеты «Пролетарская мысль» и стал слушать, о чем они говорят. Разговор их показался ему подозрительным, и он тотчас сообщил о нем в милицию. Когда Клавдия минут через двадцать возвратилась на площадь, здесь никого уже не было. Незнакомая женщина поведала ей, что священника и монахиню забрали в тюрьму.

Девочка поспешила к тюрьме, здесь она узнала, что ее отец находится в камере предварительного заключения и горько заплакала. Один из служащих, подметавший в это время пол, прошептал ей: «Утром к шести часам приходи и увидишься».

На следующий день Клавдия увиделась с отцом. Отец Максим тогда не знал, почему арестован, и лишь сказал дочери: «Иди домой, реже сюда ходи, будь осторожней, живи пока на месте».

Клавдия два раза в неделю носила в тюрьму передачи. Отдав продукты, она становилась напротив тюремных ворот и не уходила до тех пор, пока не увидит отца. Когда ворота, через которые возили воду для арестованных, открывались, заключенные собирались во дворе в надежде увидеть кого-либо из родных. Отец Максим становился недалеко от ворот и, увидев дочь, махал ей рукой, и та уходила, довольная, что они повидались.

Стали вызываться свидетели, которые показали, что священник вел себя в селе очень скромно и сумел завоевать среди крестьян авторитет; он возобновил ежедневную службу и часто в проповедях говорил о безвинных страданиях Христа, многие верующие от умиления плакали и с пробудившимся в душе покаянным чувством возвращались домой.

Председатель сельсовета на допросе показал: «Мефодий Попов повел себя очень скромно, чем сумел завоевать авторитет духовного отца и возбудить чувства верующих к вере в Бога. <...> Когда сельсовет запросил от него сведения о числе верующих по приходу на предмет перерегистрации договора, <...> Мефодий Попов послал членов церковного совета по деревням обойти дворы и велел

переписать верующих и неверующих, причем заставляли расписываться в том и в другом случае, т. е. веришь — распишись и не веришь — распишись. В результате в колхозах... перепугались, и начались разговоры среди колхозников, что только успели записаться в колхоз, а тут — нате вот, уже спрашивают, верую ли я в Бога. И этой антисоветской агитацией путем возбуждения религиозных чувств верующих против существующей и проводимой политики партии и советской власти Мефодий Попов занимался систематически».

Вызванный на допрос отец Максим показал, что «приехал в Белебей на праздник Табынской иконы Божией Матери». «Меня милиция арестовала, я сам не знаю за что. Виновным себя ни в чем не считаю», — заключил он.

25 октября 1931 года тройка ОГПУ приговорила иеромонаха Максима к пяти годам ссылки в Северный край. В последних числах октября из Белебея на станцию Аксаково погнали пешим этапом большую группу осужденных, были люди и из прихода в Рябаше. Один из них крикнул прохожему: «Сообщите в Рябаш дочери батюшки».

Весть, что отца отправляют, дошла до Клавдии вечером того же дня; она быстро добралась до маленького полустанка, откуда до станции Аксаково было еще километров двадцать; на полустанке в этот день дежурил друг отца Максима. Он позвонил своему брату, начальнику аксаковского вокзала, который распорядился остановить скорый поезд на полустанке, где тот не должен был останавливаться. Клавдию посадили в вагон, и к двум часам ночи она оказалась в Аксакове. В помещении вокзала осужденные спали на полу, как скотина в загоне, со всех сторон огороженные скамейками. С двух часов ночи до шести утра священник беседовал с дочерью. Отец Максим рассказал ей о том, что было с ним в тюрьме и как заставляли его отречься от Бога.

В три часа дня подали состав для заключенных, после чего их построили в шеренгу и погнали к вагонам. Отец Максим чуть задержался, чтобы оказаться в последней группе и, может быть, в последний раз увидеть дорогое ему лицо. Народ вокруг стоял молча и плакал.

Весной 1932 года дети отца Максима получили от него первое письмо из деревни Наволочек Холмогорского района Архангельской области. Он писал, что живут они в бараках, кругом на 60–80 километров болота, недалеко от них протекает река Северная Двина. «Оставайтесь людьми, — написал им отец. — Первыми вам не быть, не будьте последними; не забывайте, чьи вы дети, живите с Богом».

Весной 1934 года во время половодья Северная Двина разлилась больше обычного, и ледяная вода затопила бараки. Отец Максим тяжело заболел, и его взял к себе верующий житель деревни Наволочек по фамилии Маслов. Иеромонах Максим (Попов) скончался в его доме, сподобившись мирной христианской кончины и христианского погребения. **Ф.**